
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОПЫТКИ СОГЛАШЕНИЯ С АНГЛИЕЙ.

К самому началу моей канцлерской деятельности относятся попытки путем налажения переговоров по определенным конкретным вопросам преодолеть то недоверие, которое тяжелым бременем лежало на наших отношениях с Англией. У самого императора сложилось впечатление, что перспективы на этот счет в Англии не совсем неблагоприятны, и в первые дни августа 1909 г. я начал переговоры с английским послом, сэром Эдуардом Гошеном в связи с вопросом о флоте. Как мне показалось с самого начала, посол был настроен скорее скептически, да и потом у меня сохранилось впечатление, что он, хотя его дед был немец, едва ли стал бы горячо и искренно отстаивать подлинное сближение между обеими странами. Он, во всяком случае, был гораздо холоднее своего предшественника при берлинском дворе, сэра Франка Лэсцелля, который убежденно защищал идею сближения. Тянувшиеся весьма долго переговоры не привели к желательному результату, так как, с одной стороны, лондонский кабинет не обнаружил особой заинтересованности в их успехе, а с другой — не было найдено формулы, удовлетворяющей адмиралтейство.

После того, как улеглась буря, грозно обнаружившая, вследствие вмешательства английского правительства в мароккские разногласия, призрак войны, и в Англии стали

с разных сторон делать попытки к уяснению пользы и вреда проводившейся до сих пор политики. Небольшая группа либеральных политических деятелей резко выступила против внешней политики сэра Эдуарда Грея и требовала серьезного пересмотра политики английского кабинета, дальнейшее осуществление которой в том же духе должно было повлечь за собой серьезную опасность для общего мира. Характерна для этого времени одна статья английского еженедельника «Nation», периодического издания, настойчиво выступавшего против всяких воинственных тенденций и объединявшего круг вдумчивых и влиятельных представителей идеи мирного улажения конфликтов. В этом журнале в октябре 1911 г. появилась следующая заметка: «Окончание мароккского эпизода вернуло нам свободу действий...». Отношения между обоими соперниками предварительно должны были стать сердечными и доверчивыми, и тогда только явилась бы возможность говорить об ограничении роста морских сил. А это зависит от способности германской и английской дипломатии совместно работать для будущего. «Мы дошли до того, что везде и повсюду видим Германию, как Германия везде видит Англию, и всегда в позах враждебных и недоверчивых».

В этих кругах зашли так далеко, что стали требовать отставки сэра Эдуарда Грея, — требование, не имевшее никаких шансов на успех, так как в кабинете трио — Асквит, Грей и Хольден — цепко держалось друг за друга. Эти три либеральных империалиста, как еще в 1916 г. назвал их один близкий к лорду Хольдену деятель, нашли в лице Ллойд-Джорджа надежную опору во всех основных вопросах внешней политики, при чем и новый первый лорд адмиралтейства, Уинстон Черчилль также тесно примкнул к ним. Все же настроение внутри страны, повидимому, убедило кабинет осенью 1911 года в необходимости сделать серьезную попытку улучшить немецко-английские отношения. Нация

с ужасом увидела, как близко подошла она к бездне военной катастрофы, в то время как английский народ в массе своей так же мало хотел войны, как и народные массы Франции и Германии. Что глубокое волнение у нас не являлось искусственно созданным, а было результатом обострившегося — благодаря речи Ллойд-Джорджа — антагонизма обеих стран, хорошо понимали по ту сторону канала; там не могли закрыть глаза на дальнейшие последствия этого, которые наши себе выражение в захватившей широкие немецкие круги агитации в пользу усиления флота. Но как раз это напряжение в общественных настроениях обеих стран действовало парализующе на зародившуюся в них идею сближения. В то время, когда в Германии уже с августа все, кто придавал усилению нашего флота решающее значение для безопасности страны, бурно требовали нового судостроительного законопроекта, в Англии, считавшей первенство своего флота вопросом жизни, старались предотвратить предстоящую необходимость нового прозного увеличения морских расходов усиленными указаниями на то, что увеличение немецкого флота несовместимо с улучшением немецко-английских отношений. Речи английских министров подчеркивали, что Англия сделает все возможное, чтобы остаться на прежней высоте и сохранить прежнее численное превосходство своего флота над германским. Так, с самого начала, в желание сближения вплетались с обеих сторон нити, которые очень трудно было распутать.

В первых числах декабря император из'явил свое согласие приступить к выяснению точки зрения английских государственных деятелей. Руководящей мыслью для нас было установление некоторого общего политического единомыслия для перехода затем к соглашениям детального характера. Напряженное мировое положение вызывалось, собственно говоря, той уверенностью, с которой полагалась на английскую поддержку франко-русская политика, в конечных своих

целях определенно нам угрожающая. Англия, правда, заявила, что она никогда не оставляла Франции никакого сомнения в том, что не станет поддерживать ее нападение на Германию, если оно не будет спровоцировано последней. Но такие заявления не могли иметь решающего значения, раз они были сделаны *in camera caritatis* (дружески-конфиденциально). После того как Франция в мароккском кризисе только что на глазах всего мира получила со стороны Англии такое убедительное доказательство самой крепкой дружбы, надеяться на постепенное уничтожение мысли о реванше, как раз теперь оживавшей под руководством Пуанкаре, можно было только в том случае, если бы решение Англии установить с Германией добрые отношения было выявлено прямо и открыто в форме документа. И только таким образом казалось мне возможным освободить обсуждение вопроса о флоте в Германии от той нервности, которая в конечном счете возникла в результате существующей группировки держав.

Беседа германского посла в Англии с сэром Эдуардом Греем, состоявшаяся незадолго до Рождества, казалось, обещала довольно благоприятные перспективы. Затем, в конце января в Берлин без всякого шума приехал сэр Эрнест Кесель, известный английский финансист, и, ссылаясь на общее поручение Грея, Черчила и Ллойд-Джорджа, вручил императору меморандум, содержание которого приблизительно сводилось к следующему: признание английского перевеса на морях, отказ от расширения германской судостроительной программы, по возможности, даже сокращение ее; со стороны Англии — обещание не ставить препятствий нашему колониальному расширению, обсуждение и поддержка наших колониальных устремлений, поддержка проектов и всякого рода заявлений, сводящихся к взаимным обещаниям не принимать участия в агрессивных планах или комбинациях, направленных против Англии или Германии.

Кессель увез с собою ответ, который приветствовал все шаги, направленные к улучшению отношений, и заявил о нашем согласии на указанные предложения, с тем лишь ограничением, что в вопросе о флоте нашей платформой оставалась наша судостроительная программа плюс выработанный законопроект. Было указано, что в ближайшее время был бы желателен визит сэра Эдуарда Грея. Вскоре через того же посредника нам сообщили о готовности Грея явиться для личных переговоров в Берлин, в случае если заключение договора представляется обеспеченным, и о намерении английского кабинета послать военного министра Хольдена с частной миссией для выяснения этого в Германии. При дальнейшем ведении неофициальных предварительных переговоров, мы дали знать в Лондон, что в вопросе о новом судостроительном законопроекте возможны уступки, но, конечно, только при одновременном предоставлении нам достаточных гарантий в дружественной ориентации английской политики.

8 февраля лорд Хольден прибыл в Берлин. Наша продолжительная и интимная беседа приняла самые дружеские формы и велась с очень большой откровенностью. Хольден настойчиво подчеркивал, что влиятельные лица Англии стремятся к созданию не только лучших, но даже дружественных отношений. На следующий день Хольден имел собеседование с императором, на которое был также приглашен адмирал фон-Тирпиц. Казалось, что соглашение — на хорошем пути. Мы пошли на уступку, отсрочив постройку трех предусмотренных в нашем законопроекте судов, первого — до 1913 г., а остальных двух — до 1916 и 1919 г.г., что, повидимому, удовлетворило английского министра. В частном разговоре он заявил о своих чрезвычайно отрадных впечатлениях и выразил глубокую надежду на удачу этих переговоров, которым он придавал всемирно-историческое значение.

Со стороны Германии был составлен обстоятельный проект договора, ядром которого было прочное соглашение

о взаимном нейтралитете Англии и Германии. Сформулировано оно было следующим образом: «В случае вовлечения в войну одной из высоких договаривающихся сторон против одной или нескольких держав, другая договаривающаяся сторона соблюдает по отношению к первой, вовлеченной в войну, по крайней мере, доброжелательный нейтралитет и всеми силами стремится к локализации конфликта».

Хольден, с своей стороны, предложил следующую формулу: «Ни одна из обеих держав не совершит какого-либо непровоцированного нападения на другую, не будет готовиться к таковому или принимать участие в каком-нибудь союзе против другой с целью нападения на нее, или вовлекаться в какое-нибудь соглашение относительно морского или сухопутного выступления, направленного к такой же цели, ни единолично, ни совместно с другой державой».

Остальная часть проекта договора посвящена колониальным вопросам, в которых Хольден делал нам многообещающие предложения в компенсацию за уступки со стороны Германии в вопросе о Багдадской железной дороге. Кроме расширения германских колониальных владений в юго-западной Африке на основе соглашения о приобретении португальской Анголы, он имел в виду также предоставление Германии Зензибара и Пембы.

Во время дальнейшего обсуждения формул, предложенных обеими сторонами, английский министр согласился с тем, что его предположение слишком слабо обязывает Англию; однако он с самого же начала об'явил, что наша формула слишком широка. Для придания полной ясности своему взгляду он привел несколько примеров. Так, Англия может напасть на Данию, чтобы там укрепиться с целью создания морской базы или чтобы в какой-либо иной неприемлемой для Германии форме произвести на Данию давление; в таком случае Германии необходимо сохранить за собою свободу действий; и в том случае, если Германия нападет на Францию, Англия

тоже не может считать себя связанной. Если я не сомневался в том, что пример с Данией имел чисто теоретическое значение, то в иной связи английский министр, повидимому, серьезно высказывал опасения, что мы нападём на Францию, если только будем уверены в нейтралитете Англии. Хотя при дальнейшем личном общении со мною он и не отстаивал этого подозрения, опровергаемого достаточно самим поведением Германии за последние десятилетия, но зато неоднократно и внушительно подчеркивал, что более близкие отношения с Германией никоим образом не должны идти в ущерб связи Англии с Францией и Россией. При всем этом я вынес впечатление, что Хольден был настроен безусловно доброжелательно. Он делал попытки объединить наши формулы и принял мысль о благожелательном нейтралитете с оговоркой, что он это распространяет лишь на такие войны, в которых договаривающаяся сторона не является наступающей.

В вопросе о флоте, который, как уже было упомянуто, в беседе императора с адмиралом фон-Тирпицем и лордом Хольденом принял вполне благоприятный оборот, лорд Хольден признал, что нам необходимо провести новый морской законопроект и иметь третью эскадру. Формирование этой эскадры, правда, заставит Англию усилить свой флот в Северном море, но это для нее не существенно. Самое главное значение он придавал тому, чтобы Англия не была вынуждена отвечать двойным количеством новых судов на сверхпрограммную постройку dreadnoughtов. Он признавал, что английские пожелания о растяжении строительного периода для трех dreadnoughtов, предусмотренных новым законопроектом, будут удовлетворены, если постройка их будет определенно назначена на 1913, 1916 и 1919 гг. Но он только не знает, как посмотрит на это английский кабинет, и потому ставит вопрос, не может ли Германия на ближайшие три года воздержаться от всякой постройки новых военных судов. Если бы мы пришли к political agreement (политическому соглаше-

нию), то отношения приняли бы настолько дружественный характер, что усиленное военно-морское строительство в дальнейшем уже не смогло бы им повредить.

Я не входил в обсуждение этих технических вопросов и, с своей стороны, подчеркнул, что, поскольку речь идет о вопросе политического характера, об'ем political agreement (политического соглашения) будет иметь решающее значение.

Сэр Эдуард Грей в первой своей беседе с нашим послом по возвращении Хольдена выразил свое полное удовлетворение. Он заявил, что сообщение Хольдена о беседе со мной произвело на него глубочайшее впечатление и что он самым настойчивым образом будет способствовать этому делу. Он надеялся, что военную тучу, угрожающую обоим народам, удастся надолго рассеять. Все дальнейшее он поставил в зависимость от более подробного рассмотрения наших предположений. Проявления общественного мнения Англии были также вполне дружественными. В Нижней Палате — Асквит, в Верхней — лорд Крю выразили свое удовольствие по поводу начатых переговоров, и вожди оппозиции — Бонар Лоу и лорд Лансдоун в сердечной форме высказали свое желание достигнуть сближения с Германией. Английская печать воздерживалась от недружелюбных комментариев, но указывала, часто не без известной тенденции, что сохранение безусловной лояльности по отношению к Франции является неперменным условием всяких иных комбинаций.

Хотя Хольден лично считал наши уступки в вопросе о флоте достаточными, но английское адмиралтейство при подробном рассмотрении нашего морского проекта, врученного Хольдену, пришло к другому заключению. Вопрос о постройке дредноутов, которому Хольден придавал главное значение, адмиралтейство отодвинуло на задний план, но зато подвергло резкой критике остальное содержание проекта, в особенности усиление экипажа судов. Адмиралтейство утверждало, что, в случае принятия проекта, расход

на флот увеличится в Англии свыше чем на 18 миллионов фунтов стерлингов. С несомненностью выявилось недоверие к действительным или воображаемым планам наших морских властей, да и в германских морских кругах появились опасения, что нашим морским вооружениям может быть нанесен ущерб.

Лично я принял решение идти на крайние уступки в вопросе о новом морском законопроекте, если мне удастся создать равносильную компенсацию в виде политического договора. Но как раз в этом Англия не оправдала надежд. После утомительно долгих переговоров сэр Эдуард Грей в конце концов согласился на следующую формулу:

«Так как обе державы одинаково имеют желание обеспечить мир и дружбу между собою, то Англия заявляет, что она не сделает сама, без вызова со стороны Германии, нападения на нее и воздержится от агрессивной политики против последней. Нападение не предусматривается ни в одном договоре или комбинации, к которым Англия в настоящее время причастна, и в дальнейшем она не примет участия ни в каком соглашении, имеющем целью такое нападение».

Эта формула, которая нас обезопасила бы от ничем не вызванной воинственной политики самой Англии, но не от враждебной позиции ее в случае франко-русского нападения на нас, не могла достаточно разрядить напряженную атмосферу, создавшуюся в мировых отношениях. Ввиду этого мы предложили дополнение, что Англия сохранит доброжелательный нейтралитет, «если Германия будет вовлечена в войну против своей воли». От этого дополнения сэр Эдуард Грей, однако, отказался наотрез, из опасения, как он раз'яснил нашему послу, этим поколебать существующую дружбу с другими державами.

Это был решающий момент.

Если для английского образа мыслей о войне и мире достаточно характерен уже тот взгляд, что отказ от ничем не вызванной агрессивной политики представляет собою до-

казательство особой дружбы, то приведенный, как причина для отклонения нашего дополнения к договору, аргумент вскрывал те неожиданности, которые Англия считала возможными, как следствие франко-русского союза, и обнаруживал одновременно позицию Великобритании в *entente cordiale* (в сердечном согласии). Опасение сэра Эдуарда Грея только в том случае имело основание, если он учитывал возможность войны, навязанной друзьями Англии, и считал себя и в этом случае обязанным поддерживать дружественные державы. Если такие предпосылки были неправильны, то становится непонятным, почему так сильно ограниченный договор о нейтралитете, как предложенный нами, мог вызвать разногласия с Францией и Россией. И в этом резко проявилась противоположность английской и немецкой политики. Германия стремилась ослабить антагонизм между сложившимися группами держав и даже, по возможности, устранить его совсем. Успех наших стремлений одинаково способствовал бы как соблюдению наших собственных интересов, так и сохранению всеобщего мира. Англия, напротив, выдвигала на первый план ненарушимость той группировки, в которой она сама участвовала, а так как эта последняя острием своим была направлена, как всему миру было известно, против Германии, то это означало продолжение прежнего антагонизма. То была ее прославленная политика *balance of power* (равновесия сил).

К такому заключению должен прийти и тот, кто усвоил себе взгляд (и находит его подтверждение в событиях войны), что миссия Хольдена являлась для английских государственных деятелей лишь предлогом — путем фиктивных переговоров помешать осуществлению нашего нового морского законопроекта. Этот взгляд получил недавно подтверждение в одном английском произведении, которое, защищая Хольдена против английских обвинений, приходит, в общем, к выводу, что задачей Хольдена было поддержать хорошее на-

строение в Германии, пока Англия не закончит своих приготовлений на случай войны¹⁾). Возражать против такого толкования, хотя и противоречащего моим личным впечатлениям, тем менее входит в мою задачу, что оно исходит из источника, близкого к бывшему английскому военному министру. Я, с своей стороны, до сих пор склонен думать, что Англия искренне делала попытки сближения. Они потерпели крушение, потому что Англия не хотела признать необходимые следствия, вытекающие из этого сближения. Последнее лишило бы Францию и Россию уверенности, что в своей враждебной Германии политике они смогут в будущем рассчитывать на поддержку Англии. Но это было как раз то, чего Англия не хотела и, как доказывают опасения Грея по поводу нашего дополнения о нейтралитете, не могла допустить, связанная принятыми на себя обязательствами; это и была причина, по которой попытка сближения окончилась так неудачно.

Вопрос о флоте также играл роль, но не решающую. Естественно, что и теперь вновь вспыхнул в обеих странах спор между притязанием Англии на морскую гегемонию и убеждением Германии в жизненной необходимости для нее иметь сильный боевой флот. Но ведь решающее влияние на ориентацию общей политики Англии германская морская политика получила уже много лет тому назад. «Сердечное соглашение» с Францией было заключено еще в 1904 г., с Россией — в 1908 г. (в Ревеле), и уже со времени военных переговоров между французским и английским генеральными штабами — в 1906 г. Франция была уверена в военном содействии Англии. По крайней мере, теперь несомненно, что так упрочившаяся дружба Англии с двойственным союзом не могла подвергнуться опасности из-за обещания нейтралитета по отношению к нам; уступки в новелле о флоте 1912 г. должны были совершенно успокоить сэра

¹⁾ Harold Begbie, *The vindication of Great Britain*. London. 1916.

Эдуарда Грея на этот счет. Как уже упомянуто, сэр Эдуард Грей, начиная с 1909 г., при каждом удобном случае так настойчиво и почти навязчиво обращал мое внимание на преимущества дружбы Англии с двойственным союзом, что и, не зная точных условий соглашения между державами Антанты, я не мог сомневаться в его решении продолжать политику дружественных отношений с франко-русским союзом, соответствовавшую притом общим политическим традициям Англии. Но без ощутительных изменений во всеобщем политическом положении, имея в руках только согласие английского кабинета отказаться от агрессивной политики в том случае, если она не будет ничем провоцирована, я, с своей стороны, не мог проводить и успешно отстаивать отказ от нового законопроекта по усилению флота. Слишком естественно было общее возмущение поведением Англии во время второго мароккского кризиса, слишком популярно распространявшееся крупными авторитетами мнение, которое я тогда уже считал ошибочным, о необходимости усиления боевого флота для защиты нашей страны.

Быть может, ошибка заключалась в том, что мы недооценили связующую силу соглашений Англии с двойственным союзом, как она явствовалась из всего поведения сэра Эдуарда Грея, и что вследствие этого мы начали вести наши переговоры на слишком широком базисе. Возможно было только устранение трений в вопросах практического характера при условии отказа от изменения существующей группировки держав в ближайшем будущем. Хотя это не могло существенно облегчить нашего положения, но с течением времени могло все же постепенно повести к тому разряжению общей атмосферы, которого я вынужден был добиваться, быть может, с слишком большою поспешностью вследствие угрожавших нам со всех сторон опасностей.

Когда и для нас стало почти очевидным крушение переговоров о политическом соглашении, сэр Эдуард Грей выска-

зал графу Меттерниху надежду, что если официальное соглашение и не состоится, визит Хольдена, сопровождаемый свободным и открытым обменом мнений, все же явится основанием для будущих более откровенных и доверчивых отношений. Эта надежда получила не только формальное осуществление, но оправдалась и на практике. В течение Балканских войн 1912 и 1913 г.г. и на лондонской конференции послов возможность совместной работы значительно облегчилась и была более продуктивна в деловом отношении. Еще заметнее стало улучшение отношений, когда мы, отказавшись от обсуждения общих политических вопросов, приступили к устранению конкретных разногласий. Тогдашний руководитель ведомства иностранных дел, г. фон-Ягов был представителем этой точки зрения, проявляя одинаково и политическую прозорливость и тонкое понимание того упрямого постоянства, с которым английская политика цеплялась за существующую группировку держав. Немецкие и английские интересы соприкасались теснее всего в Азиатской Турции, где наш план постройки Багдадской железной дороги столкнулся с недоброжелательством и опасением Англии. Соглашение по возникавшим здесь вопросам могло иметь тем более широкое значение, что одновременно оно представляло возможность притти к мирному согласованию взаимных интересов в этих странах также с Францией и Россией. План Ягова тем самым обнимал весь комплекс вопросов, которые приводили нас в передней Азии в соприкосновение не только с Англией, но и со всей Антантой. Англия, упрямая по обыкновению, обнаружила, однако, в этих переговорах добрую волю и вполне пошла нам навстречу. Приблизительно в это же время мы снова подняли затронутые еще лордом Хольденом вопросы, связанные с африканскими колониями. Общее согласие Англии на выраженные нами пожелания об укреплении и увеличении наших колониальных владений в Африке опровергает самым убедительным

тельным образом позднейшую попытку наших противников, поддержанную особенно усердно как раз той же Англией, об'явить Германию морально недостойной каких бы то ни было колониальных владений. Соглашение по средне-азиатским вопросам приближалось к концу, и колониальный договор был уже заключен, когда вспыхнула война.

Путь мелких соглашений оказался, таким образом, вполне возможным.

Верная принципам миссии Хольдена, английская политика одновременно с тем усердно старалась окончательно забронировать свою дружбу с двойственным союзом против всякой бури и непогоды. В сентябре 1912 г. была заключена англо-французская морская конвенция, которая передавала в руки Франции защиту Средиземного моря, в то время как Англия приняла на себя оборону французского северного побережья; а в ноябре того же года Грей и Камбон, как это стало окончательно известно в момент возникновения войны, обменялись письмами, которые устанавливают, наконец, в документальной и совершенно определенной форме линию английской политики.

Сэр Эдуард Грей в своей речи 3 августа 1914 г. усердно старался доказать, что эта переписка с Камбоном не обязывала Англию принимать участие в мировой войне. Это совершенно верно, но сильное моральное воздействие она все же оказала. Франция почти уже 10 лет состояла в теснейшей дружбе с Англией и во время обоих мароккских кризисов получила самые определенные доказательства этой дружбы. По поручению своих правительств генеральные штабы обеих стран в происходивших с 1906 г. периодических совещаниях вырабатывали планы совместных совещаний обеих армий на случай общей войны против Германии. И если теперь Франция почти в непосредственной связи с военной опасностью, вызванной угрожающими словами Ллойд-Джорджа, могла добиться того, что постоянная совместная ра-

бота обоих генеральных штабов была санкционирована в письменной форме на широком политическом базисе, то она могла сделать отсюда лишь один вывод, что в случае войны с Германией она может рассчитывать на помощь Англии, даже если бы по договору последняя и оставляла за собою свободу действий относительно участия в войне. Как и при устном соглашении 1906 г., обстоятельства, сопровождавшие обмен письмами между Греем и Камбоном, придавали их содержанию такую силу, которой подчас лишены даже союзные договоры, выражающие взаимные обязательства в более точной форме. Было бы несправедливостью по отношению к сэру Эдуарду Грею сомневаться в искренности уверений, высказанных им в речи от 3 августа, в том, что во время балканских войн он твердо стоял за мир и в июле 1914 г. искал мирного решения вопросов. Но это, быть может, бессознательный самообман с его стороны, когда он относит эту похвалу ко всей своей деятельности. Его дружественная двойственному союзу политика, так сильно подкрепленная военными соглашениями, заключенными даже на самые серьезные случаи, представляла необыкновенно сильную опору для основных тенденций двойственного союза, а что намерения франко-русской политики были далеко недружелюбными по отношению к Германии, знал каждый ребенок в Европе. Даже наиболее слепые ненавистники Германии не могут отрицать, что еще жившее во Франции желание возврата Эльзас-Лотарингии и русские притязания на Балканы и Константинополь могли быть осуществлены только путем войны.

Таким образом фактически теория Грея, принявшая, благодаря деятельности его сотрудников, еще более грубую форму, шла не на пользу мира, но усиливала военную опасность. Каковы бы ни были конечные цели, преследуемые при этом Англией,—преобладало ли намерение, опираясь на сильную военную коалицию, побудить Германию дипломатическим путем подчиниться всем притязаниям, или считалась

совершенно неизбежной война с Германией, — фактический результат разжигания агрессивных тенденций, воплощенных в двойственном союзе, не подлежит сомнению.

Еще более запуталась английская политика весною 1914 г. О том, что происходило, мы были уже тогда осведомлены благодаря опубликованным русским документам¹⁾. Они обнаружили, что Россия использовала визит английской королевской четы в Париж в апреле 1914 г., носивший, благодаря присутствию сэра Эдуарда Грея, высоко политический характер; она желала при посредстве французского правительства возбудить вопрос о заключении англо-русской морской конвенции для того, чтобы, как выразился граф Бенкендорф в беседе с г. Сазоновым, «до сих пор слишком теоретические и мирные идейные основы Антанты заменить чем-либо более ощутительным». Грей сочувственно отнесся к русскому предложению, горячо поддержанному французским правительством, запросил и получил согласие английского кабинета; и в то время как военные и морские власти вступили в переговоры, правительства держались в стороне, чтобы в случае надобности можно было оспаривать наличие соглашения *политического характера*.

Узнав об этом, мы поместили в одной из немецких газет предостерегающий призыв, а князю Лихновскому было поручено дать понять сэру Эдуарду Грею, что у нас есть основания для некоторых подозрений по поводу возбуждающих беспокойство событий.

Грей, недовольный тем, что обнаружилась истина так тщательно скрываемого секрета 11 июня, на запрос в английском парламенте дал весьма сбивчивое и запутанное объяснение, в котором отрицал существование малейшего ограничения свободы решений английского правительства и парламента, но которое, в действительности, как телеграфировал граф Бенкендорф в тот же самый день г. Сазонову, должно было,

¹⁾ «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 18 до 29 декабря 1918 г.

ПОПЫТКИ СОГЛАШЕНИЯ С АНГЛИЕЙ

по собственному желанию Грея, замаскировать состоявшееся уже соглашение с Францией и начатые переговоры с Россией.

По имеющимся у нас сведениям, морская конвенция не состоялась. Но готовность английского кабинета заключить ее была для России многообещающим показателем английских намерений и настроений. Ведь России только что была предоставлена возможность на глазах Англии проводить в Балканских войнах бурную политику, непосредственно вызывающую обще-европейские осложнения. Ведь всего за несколько недель до этого г. Сазонов использовал инцидент Лиман-Сандерса для создания явно-воинственных проектов. Если даже сэр Эдуард Грей не одобрял проявленного Сазоновым самодовольства, то все же приходится признать за настоящее поощрение воинственных тенденций России, если после подобных событий, понукаемый Францией, он с радостью согласился на предложенную морскую конвенцию с Россией, при помощи которой Россия хотела себя обеспечить необходимым количеством английских судов для высадки своего десанта в Померании. Это было то же блюдо, что и обмен нотами с Камбоном, только в еще более горячем виде. Полное удовлетворение России и Франции, которые вполне понимали, что Грей, учитывая общественное мнение Англии, не может заключить настоящего договора, видно из слов, в которых граф Бенкендорф описывает Сазонову успех английского визита в Париж: «Я сомневаюсь, можно ли найти более сильную гарантию совместных военных операций в случае войны, чем общий дух этого соглашения, как он теперь выявился, подкрепленный существующими военными мероприятиями».

Глубокая и тщательно охраняемая тайна, которой сэр Эдуард Грей окутывал все военные соглашения с Францией и Россией (по его словам, о состоявшемся обмене письмами с Камбоном он информировал даже свой собственный кабинет лишь много времени спустя), его намерение замаскировать

эти соглашения — дают основания предполагать, что английское общественное мнение, вообще не расположенное к долгосрочным политическим обязательствам, инстинктивно чуло опасность всяких военных соглашений, но и тогда не желало войны.

Чем труднее уловить действительное настроение какой-либо, особенно чужой страны, тем более следует воздерживаться от всяких преувеличений. Везде встречаются шумливые шовинисты и умиротворяющие пацифисты... Но между ними находится громадный средний слой тех, которые работают и молчат, которые желают мира, а на войну идут лишь тогда, когда этого потребуют безопасность и честь страны. Заключать из поражающих и иногда цинично откровенных публичных выступлений английской военной партии, что английский народ в общей своей массе был настроен воинственно, — было бы столь же нелепо, как нелепы вопли Антанты о кровожадных германских туннах и варварах, свидетельствующие о ее моральном помешательстве. Но хотя широкая масса и молчала, когда шовинисты трубили по всему миру о ненависти и разрушении, а пацифисты проповедывали мирное соглашение, — все усиливающаяся Германия представлялась Англии незванным и обременительным пришельцем, вторгшимся в святыню нераздельного британского владычества над мировой торговлей и морями. Это настроение сказывалось то сильнее, то слабее, но в общем давало тон повсюду, вопреки многообразным и небезвыгодным сделкам, которые совершались с кузеном по ту сторону Северного моря.

Это общественное мнение самого английского народа и давало основание для политики все возрастающей дружбы с Францией и Россией, общности, ставшей столь тесной, что английские государственные деятели не могли в конце концов устоять перед роковыми домогательствами своих друзей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТРИПОЛИ.—БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ.— РОССИЯ.

В то время, когда наши переговоры с Францией были еще в полном разгаре, руки Италии потянулись к Триполи. Казалось, обнаружился определенный распад тройственного союза. С явным злорадством заметили в лагере Антанты, что Италия вступала на путь, идя по которому, как надеялись, она могла далеко разойтись с своими союзниками. Договор о тройственном союзе, по точному своему смыслу, не препятствовал, собственно говоря, этому итальянскому предприятию. Италия не была обязана заручиться нашим согласием на свои выступления в Африке и не сделала этого. Но мы должны были принять меры, чтобы при преследовании своих африканских целей Италия не столкнулась с общими и оговоренными договорами интересами тройственного союза. Во время войны ее с Турцией неоднократно наступали моменты, когда становилось трудно сохранить согласие между ней и Австро-Венгрией. Когда война в Киренаике приняла затяжной характер, и Италия, чтобы добиться развязки, собиралась выступить против Турции также на ее европейской территории, вопрос о status quo на Балканах, по которому существовали специальные соглашения между Италией и Австро-Венгрией, сделался особенно острым. Все снова и снова приходилось нам брать на себя роль посредника, чтобы не дать этим разно-

гласиям между нашими союзниками разрастись в серьёзную опасность.

Помимо своего желания французы способствовали нам в этом деле. Не могу сказать, поощряла ли Антанта Италию к выступлению против Триполи. Со времени определившегося мирного исхода мароккского конфликта, муссирование триполитанского инцидента уже не представляло для Франции особенного интереса. Во всяком случае, уже в продолжении ряда лет обе великие западные державы признавали правомочными притязания Италии на Триполи, на этот последний, находящейся еще в руках Турции, остаток ее бывших владений в Африке, и осуществление этих притязаний составляло, без сомнения, часть общей программы раздела африканского побережья. Но здесь и должно было обнаружиться, что французы — плохие товарищи. Обеспечив себе свою добычу, они теперь старались урезать итальянскую долю. Как на море, так и в Тунисе они причиняли неприятности итальянцам и препятствовали открыто и тайно прочному занятию ими Триполи. Особенно важным представлялось им помешать итальянцам легко и быстро достигнуть успеха. Опасались появления у Италии притязаний на Тунис, и каждый раз, когда «латинская сестра» заговаривала о нем, у французов появлялись недобрые чувства.

В результате получилось, что Италия вновь поняла, какую пользу мог ей принести тройственный союз. Когда статс-секретарь фон-Кидерлен в январе 1912 г. прибыл в Рим, он был встречен с искренней сердечностью. Король и министры наперебой выражали ему уверенность в крепости союза и дружбы, а в итальянских военных кругах охотно распространялись на тему о новом большом военном значении Италии для ее союзников, так как теперь, если потребуется, можно со стороны Триполи и Киренаики угрожать Тунису и даже Египту. Состоявшееся в марте свидание германского императора с королем Виктором-Эммануилом прошло вполне

удовлетворительно. Оба монарха в беседах на политические темы ближе чем когда-либо сходились между собою. Король не скрывал своего глубокого возмущения по поводу французского вмешательства. Когда позднее в ноябре Сан-Джюльяно прибыл в Берлин, то было окончательно урегулировано все существенно необходимое для возобновления тройственного союза. И если это возобновление союза удалось провести вскоре по окончании Триполитанской войны, за два года до истечения официального срока, хотя и не без некоторого сопротивления, особенно в Северной Италии, то много тому способствовал урок, полученный Италией в ее африканских похождениях. Намечалась возможность нового периода процветания тройственного союза. Впрочем, первоначальную его силу уже нельзя было восстановить. Слишком много уже было обязательств, которыми связал себя Рим. Не только к западным державам, но и к России протянулись всевозможные нити. Правда, у нас не было определенных сведений. насколько далеко зашло любезничанье с русскими в Раккониджи. Лишь недавно опубликованные большевиками документы дали нам возможность узнать, что тогда, в октябре 1909 г., Италия обеспечила себе согласие России на свои триполитанские вожделения обещаниями в вопросе о морских проливах. Однако и без таких определенных данных надежность Италии вызывала к себе весьма скептическое отношение.

В смысле наших взаимоотношений с Турцией нападение Италии на Триполи представляло тяжелое осложнение. Пресса Антанты тотчас приложила деятельные усилия к тому, чтобы показать туркам всю ненадежность такой дружбы, которая не в состоянии охранить даже от поползновений собственного союзника. Однако доверие, которым пользовались в Константинополе статс-секретарь фон-Кидерлен и наш посланник барон фон-Маршаль, было достаточно велико, чтобы отпарировать этот удар. А сверх того на Турцию

надвинулись такие серьезные опасности, которые оставили совсем в тени борьбу за ее африканскую окраину. Для Высокой Порты не представлялось иного выбора, как возможно поспешнее рассчитаться с итальянцами, чтобы быть в состоянии оборонить себя от более близких и более страшных врагов.

В феврале 1912 г. начались приготовления Балканских государств к совместному нападению на Турцию. Кое-какие указания на это стали уже весьма рано поступать к нам, а летом мы получили уже и определенные сведения о заключении Балканского союза. Предполагать, что за всем этим стояла Россия, мы тоже имели достаточные основания. В день объявления Черногорией войны Турции г. Сазонов был проездом в Берлине, и г. фон-Кидерлен сказал ему, что покровительство беспокойным балканским народам представляется ему делом далеко не безопасным. Русский министр не сумел на это ответить ничего другого, кроме того, что Россия совершенно определенно запретила Балканским государствам какие-либо агрессивные мероприятия. Безразлично, считался или не считался с этим запрещением черногорский князь, ответ Сазонова уже заключал в себе ясное признание в том, что вся эта игра разыгрывалась не без участия России. Во время свидания монархов в Балтийском порте в июле 1912 г. Сазонов делал вид, что совершенно откровенно ведет обсуждение общего политического положения. Однако он ни слова не сказал мне об известных ему, без сомнения, планах Балканских государств, и Россия до самого конца решительнейшим образом отрицала перед нами существование Балканского союза под ее руководством. А в какой тесной связи была она с этими заговорщиками — в этом очаге европейских распрей — показывают недавно опубликованные большевиками документы.

Среди них имеется сербско-болгарский союзный договор от марта 1912 г. Тайное приложение к этому договору уста-

навливает роль, отводимую России, в случае если дело дойдет до войны с Турцией. В случае, если состоится соглашение о вооруженном выступлении, о том имеет быть поставлена в известность Россия, и если последняя не найдет к тому никаких препятствий, союзники приступают к намеченным боевым операциям. И затем далее: «Если соглашение не будет достигнуто, вопрос передается на рассмотрение России; решение России обязательно для обеих договаривающихся сторон». Заботливо и предусмотрительно направляла все дело русская рука. Во всех спорных вопросах царю предоставлялась компетенция третейского судьи. Даже при установлении границ между балканскими государствами после войны окончательное решение передается также ему: «Само собою разумеется, что обе договаривающиеся стороны обязуются признать в качестве окончательной границы ту линию, которую соблаговолит установить его величество царь».

Подобным же образом и прочие, заключенные позднее — летом 1912 г. — договоры балканских государств становились под прямую опеку России. В них также уговаривались с Петербургом относительно дележа добычи. То был огромный шаг, который сделала Россия на пути к установлению своего владычества на Балканах и к ликвидации европейской Турции, вполне сознавая, что из балканской войны может возникнуть и война европейская. Так, в ноябре Сазонов писал графу Бенкендорфу в Лондон, что положение представляется ему очень серьезным и что война, может быть, является наилучшим исходом.

Инциденты на наших собственных границах, если и не имели очень крупного значения, все же достаточно характеризовали настроение, господствовавшее в России. В нарушение установившихся обычаев, предварительно нас не уведомив, Россия произвела летом 1912 г. ряд широких пробных мобилизаций в Польше, чем вызвала значительную тревогу и побудила нас выступить с серьезными предостережениями.

А одновременно с тем, в сентябре того же года, супруга великого князя Николая Николаевича, присутствовавшего в качестве представителя царя на французских маневрах, сделала в Нанси весьма многозначительный вызывающий жест в сторону «утраченных провинций». Французская печать не упустила случая с шумом отпраздновать политическое значение этого происшествия.

Само собою разумеется, союзную Францию всегда держали в курсе балканских событий и участия в них России. Но достоверными информациями не обходили также и дружественную Англию. Непосредственно по заключении упомянутого выше сербско-болгарского договора г. Сазонов уведомил в общих чертах английское правительство о содержании его, а тотчас после начала самой войны дополнительно посылал также и подробности вместе с планом дележа добычи и с просьбой поддержать желания балканских народов и России. Как встретила Англия эту просьбу, мы не знаем. Но если сэр Эдуард Грей впоследствии и старался вместе с нами не допустить, чтобы балканские войны повели к нарушению общего европейского мира, он все же был посвящен в инспирируемые Россией планы, которые ставили весь Балканский полуостров вверх дном и простая искра от которых способна была, помимо его воли, в любой момент поджечь обратившуюся в настоящий пороховой погреб Европу¹⁾.

¹⁾ О господствовавшем уже тогда враждебном к Германии настроении Англии дает представление ставшее теперь известным сообщение Сазонова царю в сентябре 1912 г. В Бальморале Сазонов собрал сведения о том, что Россия могла бы ожидать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией. Сб этим он докладывает царю: «Грей заявил, не колеблясь, что при наступлении известных обстоятельств Англия сделает все возможное, чтобы нанести германскому могуществу наиболее чувствительный удар». Король выразился в еще более решительной форме, чем его министр. В случае войны, англичане «будут пускать ко дну всякое немецкое торговое судно, которое попадет к ним в руки».

В продолжение всего балканского кризиса Франция весьма решительно и твердо поддерживала своего русского союзника. В ноябре 1912 г. Пуанкарэ дал совершенно определенные заверения Извольскому в том, что, если Россия станет воевать, Франция сделает то же самое, так как она знает, что в этом вопросе за спиною Австрии стоит Германия. То же самое было сказано и итальянскому послу. Как сама Россия определяла отношение Франции, видно из сообщения графа Бенкендорфа г. Сазонову от 25 февраля 1913 г. Русский посол, изображая общее положение и только что пережитый кризис, говорит: «Франция безоговорочно соглашалась на вооруженную поддержку, и это единственная держава, которая не пожалела бы, если бы началась война».

Детальное изображение изменчивых стадий обеих балканских войн не входит в задачи настоящего труда. Ввиду быстрого развала Турции и последовавших за этим распрей победителей, руководство балканским союзом ускользнуло из рук его опекунов. Честолюбивые народы Балканского полуострова все-таки не были настолько безвольными орудиями в руках могущественных распорядителей, чтобы по команде их ограничивать свои национальные стремления и укрощать свою взаимную ненависть. Даже властное слово царя оказалось недостаточно сильным для обуздания Сербии и Болгарии. Патронат над балканским союзом стал в такой момент неблагодарной задачей, и под влиянием замешательства и невозможности направить события при их быстром течении в желанное русло решили создать нечто вроде концерта европейских держав. Впечатление общей беспомощности являлось преобладающим в продолжение долгого периода. Ящик Пандоры открыли, но никто не знал, как вновь его закрыть. Первоначальная попытка сохранения *status quo*, основанная на недооценке стремящихся к политической самостоятельности балканских национальностей, была скоро оставлена. Предложение выступить с декларацией

своей полной незаинтересованности, направленное главным образом против Австрии, было устранено без существенных затруднений. В решении албанского вопроса перевес получила точка зрения Австрии и Италии, которые, отодвинув на задний план собственные разногласия, сообща выступили против поддерживаемых Россией тенденций балканских союзников к разделу Албании; хотя провозглашенную независимость Албании, предусмотренную на случай крайней необходимости в одном старом соглашении между обеими адриатическими державами, приходилось считать лишь фиктивным решением проблемы. Временами при этом дипломатические средства казались исчерпанными, но в конце концов все же победило желание не допустить в данный момент вспышки общеевропейской войны.

Император во время балканских войн занял крайне осторожную позицию и был весьма озабочен сохранением мира. Мне ясно припоминается продолжительный разговор с ним в ноябре этого года, когда он определенно заявил, что из-за Албании и Дураццо не стоит предпринимать похода на Париж и Москву. Отвечать за это перед немецким народом он не находил возможным. Во избежание военных обострений нам приходилось производить временами энергичное давление на Вену. Не малые затруднения при этом представляло вызывающее поведение России, уже весной 1912 г. начавшей свои военные приготовления. Но мы не давали ни малейшего повода к сомнениям, что решительно и твердо станем за наших союзников, «в случае если, отстаивая свои интересы, они против ожидания подвергнутся нападению третьей стороны, и таким образом под угрозой окажется само их существование». Когда в декабре того же 1912 г. я формулировал таким образом в рейхстаге нашу точку зрения, это вызвало сильное неудовольствие в Петербурге, но зато имело определенные последствия. Почувствовали свою военную неподготовленность и притихли. Ведь на Балканах вы-

скочили слишком рано: следовательно, надо было затормозить.

Так и не удалось получить от этого преждевременного выступления желательного для его подстрекателей результата. Согласно плану участников балканского союза, первой задачей его являлся раздел между ними европейской Турции, а второй — обеспечение себе при этом тыла со стороны Австрии; в смысле же планов России и, можно сказать, всей Антанты задачей его было создать единый замкнутый балканский фронт против центральных держав. Последняя цель не была достигнута в той мере, как того желали. Однако соотношение сил значительно изменилось не в пользу центральных держав. Турция была чрезвычайно ослаблена: в сущности у нее кроме Константинополя осталась в Европе лишь жалкая полоска земли. До поры до времени Антанта еще не была заинтересована в том, чтобы отнять у нее и этот последний кусок европейской территории. Должность «привратника проливов» можно было пока еще за ней сохранить. Несмотря на ужасающие потери, ей все же удалось в конце второй войны достигнуть скромного успеха, несколько улучшившего ее самочувствие, и удержать его за собою. Надежды Болгарии были разбиты; ее доверие к России жестоко поколеблено. Армия, свернув свои знамена, стала ожидать лучших времен в глубоком гневе на своих ликующих сербских соперников и на Румынию, завершившую ее поражение. Сербия, напротив, сделала громадный шаг вперед. Дальнейшие свои планы она могла уже осуществлять только в случае войны с Австро-Венгрией. С возросшей верой в себя, приступила она теперь к подготовке своих дальнейших задач. Румыния захватила себе со стороны Болгарии все или даже больше, чем ей было нужно и что она могла использовать. Враждебность ее позиции по отношению к Австрии уже обнаружилась вполне ясно. Предупредить окончательный переход ее на сторону Антанты — вот все, чего немецкая дипломатия еще могла

попытаться достигнуть. Только король Карл, притом уже весьма дряхлый, единственно своей личностью обеспечивал возможность продолжения прежних отношений. Расширение территории, выпавшее на долю Греции, было благоприятно династии, правившей в Афинах, и тем усиливало дружественное расположение к Германии в этой стране, постоянно подвергавшейся давлению со стороны Антанты и мало способной к сопротивлению.

Таково было положение дел после второй балканской войны. Не было никакого сомнения, что второй Бухарестский мир означал лишь краткую передышку. Поскольку дело шло тогда о предупреждении мирового пожара, Лондонская конференция послов, являвшаяся органом великих держав для его локализации, на этот раз еще в состоянии оказалась справиться со своей задачей. Отдельные перескакивающие искры все еще можно было погасить, но в конце концов вся Европа стала тревожно чувствовать, что борьба на Балканах лишь предшественница и предвестница еще более роковых событий.

Во все время балканского кризиса мы определенно стремились быть посредником между жизненными интересами Австрии и притязаниями России, что вполне соответствовало общему взгляду, сложившемуся у меня с самого начала на наши отношения к австрийскому союзнику — с одной стороны, и русскому соседу — с другой. Я был глубоко убежден, что, несмотря на трещины в здании австрийской монархии и на явные и тайные симпатии славянских ее частей к русскому панславизму, следовало во что бы то ни стало сохранять основанный Бисмарком союз между Германией и Австрией. Не говоря уже о моментах взаимного тяготения, которые в настоящее время готовы воплотиться в форму слияния немецкой Австрии с Германией, было бы вообще безумием помышлять о разрыве этого союза после того, как Антанта успела принять характер столь крепкой сплоченности, что о каком-нибудь внезапном повороте нечего было и

думать. Самое большее, мог быть поставлен вопрос Англии — возможно ли перестроить группировку европейских держав на совершенно новом основании? Как и почему попытка в этом направлении не удалась — было уже показано выше. Что касается России, то она была связана с Францией, не отрывавшей своих взоров от Вогезов, союзом, пускавшим все более глубокие корни в настроении народов обеих стран. Союз этот скреплялся почти ежегодно все новыми финансовыми связями и в течение уже двух десятилетий устанавливал определенный курс для русской политики как в ее дипломатических выступлениях, так и в военных мероприятиях. Одному немецкому финансисту, которого желательно было теснее привлечь к русским государственным делам, Сазонов весной 1914 г. бросил замечание, что если мы предоставим Австрию ее судьбе, то он, с своей стороны, также покинет Францию. Если бы даже немецкая политика могла усмотреть в этом замечании, в устах г. Сазонова особенно странном, не простой трюк в духе дипломата старой школы, но действительно серьезное намерение, она принуждена была бы сделать лишь один вывод, что русский государственный деятель глубоко ошибался как относительно солидности французских цепей, так и в отношении размеров своего собственного всемогущества.

В силу необходимости наша роль по отношению к России свелась к старанию, соблюдая полную союзническую верность, сдерживать пыл Австро-Венгрии, что мы неоднократно с успехом и делали в эпоху кризиса на Балканах, а также — к попытке поставить себя так в Петербурге, чтобы наше посредничество, в случае его необходимости, не встретило там сопротивления.

В этом направлении и было составлено известное Потсдамское соглашение от 4 ноября 1910 г. Подобно нашим позднейшим переговорам с Англией, мы имели в виду и здесь, в связи с установлением обоюдного политического понимания,

в целях создания добрососедских отношений, притти также к примирению практических интересов в отдельных конкретных случаях. Но Франция и Англия сделали все возможное, чтобы парализовать осуществление уже вполне подготовленного договора. Полные изумления комментарии французской и английской прессы по поводу Потсдамского свидания обнаружили слишком явное неудовольствие официальных сфер обеих стран по отношению ко всякому шагу, который мог бы изменить их взаимоотношения с союзником и другом, вследствие улучшения его отношения к Германии. Россия вновь приняла холодно-равнодушный тон. От письменного закрепления Потсдамского соглашения по политическим вопросам уклонились под предлогом, что совершенно достаточно простого слова царя. Это — то же самое явление, которое затем повторилось, когда Англия задержала и затруднила своим вмешательством наши объяснения с Францией по поводу Марокко.

При всем том личные отношения между обоими правительствами стали лучше, что, впрочем, не имело решающего значения в вопросах высшей политики. Царь постоянно выказывал мне знаки своего личного доверия, неоднократно уверял меня, что всегда и везде готов использовать свой авторитет в пользу мира, а с г. Сазоновым до зимы 1913 — 1914 г. меня персонально связывали дружеские отношения. Впрочем, царь был слабovolен и непостоянен, а г. Сазонов обладал характером раздражительным и весьма склонным к подозрительности. Полного доверия заслуживали, по моему мнению, личные свойства председателя совета министров графа Коковцева, и еще в настоящее время я уверен в том, что русская политика в 1914 г. пошла бы по другому направлению, если бы он пользовался большим влиянием и оставался бы в течение более продолжительного времени у кормила правления.

Насколько склонен был г. Сазонов к малообоснованной возбудимости, обнаружилось осенью 1913 г. Еще в июле император сговорился в моем присутствии с царем и королем Англии относительно плана устройства, согласно желанию самой Турции, немецкой военной миссии в Константинополе, и ни тот, ни другой монарх ничего не имели против этого. Напротив, в этом видели лишь возобновление прежней военной миссии Гольц-Паши, что и считали вполне естественным. Однако Сазонову, с которым я беседовал в Берлине на его обратном пути из Парижа, то обстоятельство, что я не обсудил с ним это предположение, дало повод к подозрению, будто я хотел его обойти. Об этом, конечно, не могло быть и речи. Я имел основание считать, что г. Сазонов уже осведомлен о происшедшем, и у меня не было повода делать предметом политической беседы вопрос, приближавшийся уже к своему завершению. Г. Сазонов, однако, стал бить тревогу в печати и пытался этот вопрос передвинуть в область высшей политики. Мне удалось, путем личных переговоров с графом Коковцевым, который вскоре после того проездом был в Берлине, и путем исполнения его желания, чтобы глава миссии попрежнему не был облечен функциями активного командования, наладить дело так, что царь определенно выразил графу Пурталесу свое удовлетворение по поводу устранения инцидента. Подозрительность Сазонова в данном случае плохо согласовалась с его собственной молчаливостью в Балтийском порте относительно балканских событий, развертывавшихся по его инициативе.

Хотя Сазонов и был осведомлен графом Коковцевым, что я согласился на устранение основных поводов к неудовольствию России, все же он остался при своем прежнем мнении и старался убедить царя, будто политика Германии в вопросе о военной миссии не искренна и направлена к подрыву единодушия тройственного согласия. Что Россия не может принципиально возражать против германской военной миссии —

это было ему ясно. Но он пустил в ход все средства, чтобы не допустить передачи немцам военного командования в Константинополе. Повидимому, в начале 1914 г. Сазонов представил на усмотрение царя доклад с предложением заручиться поддержкой Франции и Англии и готовиться к возможности серьезного военного выступления. Насколько известно, шла уже речь о занятии турецких портов. Обсуждалась, без сомнения, также возможность возникновения европейской войны. Какое решение принял царь — осталось неизвестно, и возможно, что проект Сазонова потерял значение вследствие последовавшего как раз в эти дни улаживания дела Лимана-Сандерса. Однако, до какой степени не это притворное опасение немецкого коварства, а стремление к собственному расширению являлось действительным руководящим мотивом русской политики, должен был показать дальнейший ход событий, поскольку он нам теперь известен. Недовольное устранением разногласий в вопросе о военной миссии, получившим определенное одобрение со стороны царя, русское правительство продолжало и дальше свои приготовления к оккупации проливов, безусловно сознавая, что подобная операция возможна лишь в рамках всеобщего конфликта.

Согласно опубликованному большевиками протоколу совещания, состоявшегося 21 февраля 1914 г., Сазонов откровенно заявил на нем, что нет оснований предполагать, будто выступление с целью захвата проливов выполнимо без европейской войны. И начальник генерального штаба тоже подтвердил, что только в условиях европейской войны возможна борьба за приобретение Константинополя. Тем не менее «план овладения в недалеком будущем проливами», согласно тексту протокола, подвергся обсуждению во всех подробностях. Царь утвердил все решения о принятии широких подготовительных мер. Но в журнале совещания от 21 февраля 1914 г., который Сазонов 5 марта представил вместе с своей докладной запиской царю и в котором еще более детально

рассматривались необходимые для оккупации проливов мероприятия и приготовления, идет речь уже об «ожидаемом кризисе», который «вероятно, в очень недалеком будущем» даст повод к решению вопроса о проливах. Распространение своего владычества на проливы является-де исторической задачей России. Вероятнее всего, что России предстоит разрешение этого вопроса во время европейской войны. В таком случае английский и французский флоты должны будут во время войны препятствовать флоту держав тройственного союза развернуть свои действия. Однако на более широкую поддержку их в операциях против проливов рассчитывать нельзя. Успех этих операций стоит, естественно, в тесной связи с международной конъюнктурой. *«Подготовить для этого благоприятную почву составляет в настоящее время задачу вполне определившего свои цели в данном вопросе министерства иностранных дел».*

Всякие комментарии к этому излишни.

Относительно этих политических приготовлений первоначально никакие сведения не проникали в широкие общественные круги. Обратило на себя, правда, внимание (что объясняется лишь нечистой совестью) возбуждение в Петербурге, вызванное появившейся в «Кельнише Цейтунг» в начале марта 1914 г. статьей, бившей тревогу по поводу русских военных приготовлений и намерений воинственного характера; узнали о новом большом займе, заключенном во Франции с обязательством постройки на германской границе железной дороги стратегического значения; замечено было явно исходящее от правительства враждебное отношение к германской торговле. В марте и июне появились вызвавшие большое волнение статьи в «Биржевых Ведомостях» военного министра Сухомлинова относительно военной подготовки России и Франции. Приблизительно одновременно с этим петербургская дипломатия усердно работала в Париже, чтобы еще крепче связать Англию с франко-русским

союзом — теперь уже путем военных соглашений. Насколько осведомлены были Франция и Англия о русских планах относительно проливов, мы в настоящее время еще не знаем. Однако, наверное, не было случайностью, что большая часть французской печати весной 1914 г. настроилась на весьма определенный воинственный тон. И вполне сознательно хотел петербургский кабинет открыть шлюзы военному потоку, чтобы по морю крови направить русский корабль к Золотому Рогу.
